

**НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ
ПРАВОВЫХ НАУК УКРАИНЫ**

**НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА
И МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ**

*Серия «Научные доклады»
Выпуск 13*

А. ЕВСЕЕВ

**ВЕРХОВНЫЙ СУД США
СЕГОДНЯ**

**Харьков
«Юрайт»
2014**

УДК 347.97/.99(73)
ББК 67.9(УКР)71
Е 25

Серия основана в 2012 г.

*Работа рекомендована к печати ученым советом
Научно-исследовательского института государственного
строительства и местного самоуправления НАПрН Украины
(протокол № 12 от 18.12.2013 г.).*

Р е ц е н з е н т ы:

П. Д. Блохин – главный консультант Конституционного Суда РФ;

В. П. Колесник – доктор юридических наук, профессор,

член-корреспондент Национальной академии правовых наук Украины

Р е д а к ц и о н н а я к о л л е г и я:

Ю. П. Битяк, д-р юрид. наук проф.; В. П. Колесник, д-р юрид. наук,

проф.; Н. П. Кучерявенко, д-р юрид. наук, проф.; А. В. Петришин д-р юрид.

наук, проф., (науч. ред.); С. Г. Серегина, д-р юрид. наук, проф. (глав. ред.);

И. В. Яковнюк, канд. юрид. наук, доц. (зам. глав. ред.)

Евсеев А.

Е 25 Верховный Суд США сегодня / А. Евсеев. – Х. : Юрайт, 2014.

– 56 с. – (Серия «Научные доклады», вып. 13).

ISBN 978-966-2740-46-2

В научном докладе делается попытка проанализировать текущую ситуацию в Верховном Суде США, выявить наиболее значимые тренды в правосознании его судей. Кроме того, рассматриваются правовые позиции Верховного Суда по проблемам смертной казни, однополых браков, борьбы с терроризмом и т. д.

Для широкого круга читателей.

ISBN 978-966-2740-46-2

УДК 347.97/.99(73)
ББК 67.9(УКР)71

© А. Евсеев, 2014

© НИИ государственного

строительства и местного

самоуправления НАПрН

Украины, 2014

© «Юрайт», оформление, 2014

**THE NATIONAL ACADEMY
OF LEGAL SCIENCES OF UKRAINE**
**SCIENTIFIC AND RESEARCH INSTITUTE
OF STATE-BUILDING AND LOCAL SELF-GOVERNANCE**

*Scientific reports series
Vol. 13*

O. YEVSIEIEV

THE US SUPREME COURT

TODAY

**Kharkiv
«Yurait»
2014**

Евсеев А.П. Верховный Суд США сегодня

В докладе делается попытка проанализировать текущую ситуацию в Верховном Суде США, выявить наиболее значимые тренды в правосознании его судей. Для достижения этой цели исследуются биографии последних, их идеологические установки и т. д. Также в докладе фиксируются некоторые выявленные закономерности между предыдущим профессиональным опытом верховных судей и принимаемыми ими решениями. Рассматриваются правовые позиции Верховного Суда по проблемам смертной казни, однополых браков, борьбы с терроризмом и т. д. Обобщая значительное количество зарубежных источников, автор приходит к выводу о постепенном смещении нынешнего состава Верховного Суда вправо.

Yevsieiev O.P. The US Supreme Court today

The report attempts to analyze the current situation in the U.S. Supreme Court, to identify the most significant trends in the legal consciousness of its judges. To achieve this, we investigate recent biographies of the justices, their ideological attitudes, etc. The report also recorded some of the identified patterns of previous professional experience between justices and their decisions. Considers the legal issues of the Supreme Court on the death penalty, gay marriage, anti-terrorism, etc. Generalizing a significant amount of foreign sources, the author comes to the conclusion that a gradual shift of the current composition of the Supreme Court to the right.

СОДЕРЖАНИЕ

1. Состояние и перспективы научной разработки темы.....	6
2. Персональный состав «суда Робертса».....	10
3. Доступ к конституционному правосудию в «суде Робертса».....	22
4. Устные слушания в «суде Робертса».....	27
5. Технология принятия решений в «суде Робертса».....	38
6. Знаковые решения «суда Робертса».....	47

*В демократических обществах
каждое последующее поколение –
это поколение людей нового типа*
А. де Токвиль

1. Состояние и перспективы научной разработки темы

Сегодняшняя правовая политика, проводимая Верховным Судом США или, как называют его американские публицисты, «судом Робертса», идеологические сдвиги в сознании его членов все чаще оказываются в центре внимания юристов и социологов. Особенно актуальной эта тема стала в 2012 г., когда Верховный Суд был призван решить судьбу реформы здравоохранения «Medicare», инициированной президентом Б. Обамой. Тогда в американской печати и на телевидении, в Интернете комментировалось любое слово не только участников процесса, но и каждого из судей. Публиковалась подробная информация о членах Верховного Суда, их биографиях, возможных позициях по делу. И без того влиятельные люди они стали известны всей стране¹.

В то же время приходится констатировать, что в отечественной государственной науке деятельность Верховного Суда США последний раз оказывалась в эпицентре конституционно-правовых исследований в 2000 г., после проведения президентских выборов, на исход которых заметное воздействие оказала позиция консервативно настроенного большинства в Суде. Оценивая решение от 12 декабря 2000 г. по делу *Bush v. Gore*, которым, по сути дела, кандидату республиканцев Дж. Бушу-младшему была «присуждена» победа (при том однако, что его соперник А. Гор набрал на 500 тыс. голосов избирателей больше), Н.М. Травкина писала: «В течение почти двух десятилетий Ренквисту (тогдашнему председателю Суда. – А.Е.) удавалось почти чудом поддерживать престиж и мистическую ауру этого института. Однако своим решени-

¹ Подробнее см.: Coyle M. The Roberts Court. – N. Y.: Simon & Schuster, 2013. – P. 279-356.

ем от 12 декабря он, по существу, промотал весь этот капитал¹. С тех пор Верховный Суд США относительно редко фигурировал в постсоветской юридической литературе в качестве самостоятельного объекта исследования, если не считать недавно увидевшей свет брошюры профессора А.Ю. Саломатина, дающей, впрочем, достаточно общую картину деятельности Суда на различных исторических этапах его развития².

Поэтому, несомненно, заслуживает вежливой поддержки и одобрения инициатива ведущего юридического журнала «Право Украины», в качестве приложения к которому издается ежегодный альманах «Право США», где публикуются переводные статьи американских авторов и их украинских коллег, посвященные юридическим аспектам современной американистики, в том числе конституционной юстиции.

Если же мы обратимся к более ранним работам, изданным еще в советские годы, то здесь в первую очередь обращают на себя внимание книги и статьи З.М. Черниловского, А.А. Мишина, О.А. Жидкова, В.А. Власихина, Б.С. Никифорова, М.А. Никифоровой и некоторых других ученых³. В этом же ряду находятся публикации и преждевременно ушедшего из жизни С.А. Егорова, который первым в отечественной доктрине проанализировал деятельность

¹ Травкина Н.М. Уроки арифметики по-флоридски // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2001. - № 7. – С. 75.

² Саломатин А.Ю. Верховный Суд США: судебная правовая политика от Дж. Джексона до Дж. Робертса. – М.: РИОР: ИНФРА-М, 2013. – 142 с. Из новейших публикаций см. также: Николаев Б.В. Верховный суд, религия и образование в США // Государство и право. – 2013. - № 2. – С. 96-103.

³ См., напр.: Черниловский З.М. От Маршалла до Уоррена. – М.: Юр. лит., 1982. – 221 с.; Жидков О.А. Верховный суд США: право и политика // Избранные труды. – М.: Норма, 2006. – С. 310-473; Никифорова М.А. Гражданские права и свободы в США: судебная доктрина и практика. – М.: Наука, 1991. – 96 с.; Никифоров Б.С. Верховный суд США: смещение вправо ? // Советское государство и право. – 1978. - № 5. – С. 107-113; Власихин В.А. Верховный суд США: в чем сдвиг вправо ? // Актуальные проблемы уголовного права / Редкол.: С.В. Бородин и др. – М.: ИПИАН, 1988. – С. 131-139; Мишин А.А., Баренбойм П.Д. Адвокатура Нью-Йорка и правящая элита США // Вестник МГУ. Сер. Право. – 1985. - № 3. – С. 64-72 и др.

Верховного Суда США с точки зрения бихевиорального направления юриспруденции – доминирующего научного течения в американской юридической мысли, делающего акцент на поведенческих аспектах судебной деятельности, – тем самым сделав доступными соответствующие разработки для нашего читателя¹.

Естественно, заниматься в советские времена изучением американского права было делом не из легких. Объективному исследованию препятствовала некая концептуальная заданность, отвращавшая американское право не потому, что оно плохое, а только потому, что американское. Однако лучшие советские ученые ни когда не позволяли концепции «съесть» факты. Они писали свои монографии, где доказывались теоремы, а не иллюстрировались общеизвестные положения. Но, кроме того, они представляли читателям и сами факты в первозданном виде.

В частности, во всех перечисленных работах повествуется о замеслах «отцов-основателей» при конструировании Верховного Суда как органа конституционного контроля, его деятельности в период «Нового курса», либеральном активизме «суда Уоррена» и умеренном консерватизме «суда Бергера». И хотя отечественные специалисты прекрасно знакомы с именами этих правоведов, тем не менее отнести их к «современной» американской юридической элите никак нельзя. В то же время было бы явным преувеличением утверждать, что нарабогавший богатейший прецедентный багаж Верховный Суд «обмельчал» и не заслуживает более внимания. Совсем нет. Он по-прежнему успешно функционирует, совершенствует свои правовые позиции, а в его составе появились новые крупные величины, как тот же председатель Дж. Робертс или судья А. Скалия.

Перечисленные факторы актуализируют задачу изучения деятельности Верховного Суда США на нынешнем этапе его развития.

Для Украины необходимость исследования «суда Робертса» обусловлена еще и тем обстоятельством, что Робертс занял свой

¹ См.: Егоров С.А. Политическая юриспруденция в США. – М.: Наука, 1989. – 224 с.; его же. Верховный суд США // Вестник Верховного Суда СССР. – 1991. – № 9. – С. 28-31; его же. Судебная система США // Судебные системы западных государств / Отв. ред. В.А. Туманов. – М.: Наука, 1991. – С. 60-89.

пост в сравнительно молодом по американским меркам возрасте – в 50 лет (он 1955 года рождения), что, учитывая конституционную формулу «судьи как Верховного, так и нижестоящих судов занимают свои должности, пока ведут себя безупречно» (разд. I ст. III Конституции США), по сути дела означает, что он будет возглавлять Верховный Суд как минимум 20-25 лет, во многом определяя профиль американского конституционного судопроизводства и права в целом¹. А значит, именно Робертс на ближайшие десятилетия станет основным партнером Украины в деле налаживания диалога между судьями американского Верховного и украинского Конституционного судов, взаимопонимания и взаимообогащения их правовых позиций, а также международно-сотрудничества между служащими аппаратов обоих юрисдикционных органов². Не учитывать этого нельзя.

¹ Goldstein J. Leading the court: studies in influence as Chief Justice // Stetson Law Review. – 2011. – Vol. 40. – P. 719. В этой связи безынтересно отметить, что ушедший в 2010 г. на заслуженный отдых верховный судья Дж. П. Стивенс сделал это в 90-летнем возрасте.

² Первым примером подобного рода диалога может служить просроченное интервью Робертса, данное им в 2012 г. «Российской газете». См.: Робертс Дж. За нами последнее слово. URL: <http://www.rg.ru/2012/02/09/roberts-pohn.html>.

2. Персональный состав «суда Робертса»

Следует отметить, что редко в какую эпоху состав Верховного Суда был столь разношерстным и состоял из столь различных по своим национальным, социальным, психологическим, партийным и иным характеристикам людей, назначенных к тому же на свои посты в разные периоды американской истории (к примеру, уже упоминавшийся нами Скалиа получил свой пост в 1986 г., а судья Каган – только в 2010 г.).

«Нулевые» вообще оказались переломным временем для Суда. В 2005 г. ушел из жизни председатель У. Ренквист, возглавлявший его на протяжении почти двадцати лет¹, годом позже пода-ла в отставку первая женщина – верховный судья С. О’Коннор, в 2009 г. – Соутер, а в 2010 г. – Дж. П. Стивенс. Таким образом, за пять лет персональный состав обновился почти на половину – крайне редкий случай для американской судебной системы, где кадровые перестановки не происходят десятилетиями. Кроме того, в ближайшие годы ожидается отставка Р. Гинзбург, оправадновавшей в 2013 г. свой 80-летний юбилей.

Итак, кто же сегодня входит в состав Верховного Суда США ? Представим полученные сведения в виде таблицы.

Имя судьи	Дата рождения	Год назначения в Верховный Суд	Кем назначен	Пребывающая профессиональная деятельность	Идеологические предпочтения ¹
Дж. Робертс (председатель)	1955	2005	Буш-мл.	Практикующий юрист, апелляционный судья	Консерватор
А. Скалиа	1936	1986	Рейган	Профессор права, апелляционный судья	Консерватор
Э. Кеннеди	1936	1988	Рейган	Профессор права, апелляционный судья	Консерватор
К. Томас	1948	1991	Буш-ст.	Апелляционный судья	Консерватор
Р. Гинзбург	1933	1993	Клинтон	Профессор права, апелляционный судья	Либерал
С. Брейер	1938	1994	Клинтон	Профессор права, председатель апелляционного суда	Либерал
С. Алицто	1950	2006	Буш-мл.	Апелляционный судья	Консерватор
С. Сотомайор	1954	2009	Обама	Апелляционный судья	Либерал
Е. Каган	1960	2010	Обама	Профессор права, Генеральный солиситтор США	Либерал

Не сложно заметить, что президентам-республиканцам в разные годы удалось «провести» в Верховный Суд пятерых членов, которые занимают преимущественно консервативные позиции. Как следствие, соотношение между консерваторами и либералами

¹ Когда Робертс был назначен на пост председателя Верховного Суда, многие американские газеты писали, что есть нечто символическое в том, что преемником У. Ренквиста стал человек, некогда работавший у него клерком. Любопытно, что сам Ренквист тоже начал свой путь в юриспруденции, работая клерком у верховного судьи Р. Джексона, известного отечественному читателю как главный обвинитель от США на Нюрнбергском процессе. В данном контексте приведу одно характерное высказывание Джексона: «Идея о влиятельности судебных клерков породила среди адвокатов шутку о том, что теперь Сенату нужно беспокоиться не об утверждении судей, а о назначении клерков». (Цит. по: Блюхин П. Реформа судебной власти в Венгрии и европейские стандарты справедливого правосудия // Сравнительное конституционное обозрение. – 2013. - № 5. – С. 9).

при голосовании в совещательной комнате нередко составляет 5:4 (из 73 дел, рассмотренных в 2012 г., 23 были решены с перевесом в один голос¹). Это обстоятельство дало основание крупнейшему британскому философу права Р. Дворкину прийти к выводу о существовании в американском Верховном Суде некоей «правой фаланги», представленной судьями Скалиа, Кеннеди, Томасом, Алито и председателем Робертсом. Соответственно им противопоставят четверо судей, назначенных президентами-демократами (Гинзбург, Брайер, Сотомайор, Каган)². Однако в случае с судьей Кеннеди, думается, не все так просто.

Большинство ученых-правоведов сходится во мнении, что Кеннеди относится скорее к типу «swing justice» (рус. «колеблющийся судья»), который ситуативно отдает свой голос то консервативной, то либеральной части Суда, выступая тем самым в качестве своего рода идеологического центра последнего. Фактически от того, какая группа привлечет его на свою сторону при голосовании, таким и будет решение. В тех же случаях, когда большинство ярко выражено и охватывает представителей обоих спектров, Кеннеди демонстрирует завидную с ним солидарность – по подсчетам калифорнийского исследователя Э. Чемерински, это происходит в 91 % случаев³. От себя добавим, что именно Кеннеди в 2000 г. был избран председателем У. Ренквистом для написания мнения большинства по делу *Bush v. Gore*⁴, в отношении которого другой судья – Дж. П. Стивенс – заметил следующее: «Хотя, наверное, мы никогда не сможем с полной уверенностью сказать, кто же в реальности выиграл президентские выборы в этом году, тем не менее того, кто их проиграл, можно назвать уже сейчас. Это – доверие нации к суду как беспристрастному стражу верховенства права»⁵.

¹ Chemerinsky E. The court affects each of us: the Supreme Court term in review // *Green Bag*. – 2013, Summer. – P. 359.

² Подробнее см.: Dworkin R. The Supreme Court Phalanx: The Court's New Right-Wing Bloc. – N. Y.: NYREV, 2008. – 74 p.

³ Chemerinsky E. Op. cit. – P. 359.

⁴ В американском Верховном Суде, как и в Конституционном Суде РФ образца 1991-1993 гг., судью-докладчика по делу назначает председатель Суда.

⁵ Coyle M. Op. cit. – P. 299.

Кстати сказать, в таком выборе Ренквиста не было ничего удивительного. Как доказано в трудах американских юристов-психологов (У. Мерфи и др.), очень часто председатель Верховного Суда использует свою прерогативу назначения судьи-докладчика стратегически. В случаях, когда он боится оказаться в меньшинстве, он отдаст досье «наиболее умеренному из судей», расчитывая таким образом повысить шансы формирования более широкой коалиции судей, которая, в конечном итоге, учтет и его мнение¹.

С психологической точки зрения интересно, что еще при своем выдвижении на должность в 1988 г. Кеннеди изначально рассматривался администрацией президента Рейгана как центральный кандидат, в равной степени способный удовлетворить и демократов, и республиканцев. Необходимость в такой компромиссной фигуре стала особенно явственно ощущаться после того, как сенат отказался поддержать кандидатуры Р. Борка и Д. Гинзбурга, имевших четко выраженные идеологические установки (оба они, в особенности Борк, чье имя стало нарицательным при обозначении неудачной и унижительной процедуры утверждения на какую-либо должность, приживались консервативных взглядов). По контрасту Кеннеди, являвшийся сторонником судебного самоограничения и доктрины «верности прецеденту» (stare decisis), не имел ярко выраженных политических пристрастий и расценивался рейгановской администрацией как достаточно «безопасный выбор» (safe choice) с точки зрения шансов быть утвержденным верхней палатой². Так что он в известной степени и до определенных пределов просто продолжает играть ту роль, которая была ему уготована с самого начала.

В случае с креатурами президента Б. Обамы обращает на себя внимание тот факт, что обе судьи (С. Сотомайор и Е. Каган) являются женщинами и, кроме того, Сотомайор – представитель латиноамериканского меньшинства³. Судья Е. Каган также нестан-

¹ Григорьев И.С. Политология судов: предмет и исследовательская программа // *Политическая наука*. – 2012. - № 3. – С. 264.

² Gruber M. Kennedy, Anthony M. // *Encyclopedia of the Supreme Court* / Ed. by D. Schultz. – N. Y.: Facts On File, 2005. – P. 247.

³ При утверждении своей кандидатуры в сенате С. Сотомайор заявила: «Я надеюсь, что умная латиноамериканская женщина с богатым опытом в боль-

дартна, поскольку она единственная в составе Суда, кто не имеет опыта собственно судебной деятельности (если не считать таковой ее работу в качестве клерка у верховного судьи Т. Маршалла в 1987-1988 гг., который позволял ей писать за него проекты решений и, в особенности, особых мнений), а, напротив, занимала высокие посты в аппарате президента Клинтона и Министерства юстиции, став за год до своего назначения в Верховный Суд Генеральным солиситором США – третьим по значению лицом в Минюсте (вслед за возглавляющим это министерство Генеральным прокурором и его заместителем), представившим в Верховном Суде интересы федерального правительства¹. Кроме того, все это время она не прекращала преподавательскую работу в престижнейших Чикагской и Гарвардской школах права, будучи на протяжении 2003-2009 гг. деканом последней².

Как видим, в Верховный Суд все чаще выдвигаются люди с весьма нетипичными «анкетными данными». Почему так происходит?

Надо сказать, что на сегодняшний день в англосаксонской политико-правовой мысли существуют две противостоящие друг другу концепции, одна из которых начинает явно преобладать над другой: «the best and the brightest» с одной стороны, и «diversity» – с другой. Суть первой сводится к тому, что при приеме на государственную службу, назначении на судебские должности и т. д.

шинстве случаев придет к лучшему выводу, чем белый мужчина, который не прожил такую жизнь». Тем самым, как указывал Р. Дворкин, презюмируется, что судья-латиноамериканка будет более чувствительной при рассмотрении Верховным Судом дел, связанных с вопросами расовой дискриминации, или, к примеру, глубже осознает ужас обыска с раздеванием для девочки-подростка. См.: Дворкин Р. Судья Сопмайор: несправедливи слухання. URL: <http://khrpg.org/index.php?id=12586333338>.

¹ Подробнее о его полномочиях см.: Власихин В.А. Генеральный атторней и генеральный солиситор в государственном механизме США // Советское государство и право. – 1979. - № 5. - С. 111-116.

² Примечательно, что как раз в период работы в Чикагской школе права Е. Каган познакомилась с молодым преподавателем Б. Обамой, который много лет спустя, выдвинув ее кандидатуру для назначения в Верховный Суд, привселюдно назвал ее «своим другом».

приоритет надо отдавать самым лучшим и блестящим людям из каждого поколения, руководствуясь при этом не критериями национальной, половой, религиозной, какой-либо иной принадлежности, а исходя исключительно из профессиональных достоинств и опыта кандидатов (как заметил по схожему поводу Дэн Сяопин, «не важно какого цвета кошка, лишь бы она ловила мышей»).

В то же время следует помнить, что в случае с Америкой, мы имеем дело со страной с глубочайшими традициями борьбы расово-этнических, сексуальных и прочих меньшинств за свои права, выжившейся, помимо прочего, в феномене так называемой «политивной дискриминации», суть которой сводится к защите прав меньшинств, иногда даже в ущерб интересам большинства. Как подчеркивается в зарубежной литературе, позитивную дискриминацию следует воспринимать как временное зло, необходимое переходное состояние от дискриминации к искреннему уважению прав других¹. Таким образом, концепция diversity, сводящаяся к стремлению шире назначать на судебские должности представителей всех слоев общества и всякого рода меньшинств, имеет в США серьезную историческую основу, что, в свою очередь, значительно повышает ее шансы быть воспринятой практикой государственного строительства, в том числе при комплектовании судебного корпуса.

Не случайно, как минимум одно место в Верховном Суде «по умолчанию» зарезервировано за представителем чернокожего населения. Когда в 1991 г. ушел в отставку судья-негр Т. Маршалл на его место был выдвинут опять-таки чернокожий кандидат К. Томас, и поныне входящий в состав Верховного Суда. Причем Буша-старшего не смуглило даже то обстоятельство, что к тому времени Томасу было только 43 года (для сравнения: самым молодым из судей, назначенных в Верховный Суд в XX ст., был У. Дуглас, которому к моменту назначения едва исполнилось 40 лет², а самым пожилым – Л. Пауэлл, получивший свой пост в 64

¹ Maltz E. Race and racism // Oxford Companion to the Supreme Court of the USA / Ed. By K. Hall. – N. Y.: Oxford University Press, 2005. – P. 820.

² Об этом человеке крупнейший немецкий социолог Г. Шек писал: «Зависть, так же как и неприязнь, окружает судью Верховного Суда У. Дугласа, 70-ти лет, который после двух браков с юными красотками сейчас женат в третий раз на

года), из которых он проработал апелляционным судьей менее полутора. Более того, сенатские слушания, посвященные его утверждению в должности верховного судьи, пришлись на самый разгар скандала, связанного с сексуальными домогательствами, в которых обвинялся Томас, что для любого другого человека в чрезвычайном чувствительной к таким вещам Америке означало бы неминуемый конец карьеры¹.

Вместе с тем принцип «многообразия» абсолютно не работает в случае с образованием верховных судей. Все они окончили престижные университеты, причем пятеро учились в университетах, принадлежащих «Лиге плюща», а двое – в Стэнфорде. И все девять судей завершили свое образование в Гарвардской или Йельской школах права (аналог нашей аспирантуры), за исключением Р. Гинзбург, переведенной в последний год обучения из Гарварда в Колумбийский университет. И хотя подобные карьеры выпускников являются лишним подтверждением высокого качества образования, получаемого в указанных учебных заведениях, тем не менее общие *alma mater* отнюдь не приучили судей к мнимому единодушию. Так, в нынешнем составе Верховного Суда есть судьи-активисты и судьи-сторонники разумного самоограничения, судьи-оригиналисты, считающие, что при интерпретации Конституции в ее положения нужно вкладывать тот же смысл, который вкладывали в них «отцы-основатели», и судьи-сторонники «живой конституции»² и т. д.

26-летней Кэтрин Хефферен». См.: Шек Г. Зависть: теория социального поведения. – М.: ИРИСЭН, 2010. – С. 43.

¹ Судья К. Томас, не имеющий особого авторитета в Верховном Суде и к тому же крайне слабо работающий в судебных прениях, однажды был назван газетой «Нью-Йорк Таймс» «неотесанным сумасшедшим». См.: Garey H. Thomas, Clarence // Encyclopedia of the Supreme Court / Ed. by D. Schultz. – N. Y.: Facts On File, 2005. – P. 462.

² В этом отношении характерна дискуссия между судьями, развернувшаяся в ходе устных слушаний по одному из дел, рассматривавшихся в 2010 г. Судья Алито, которому на мгновение изменила его обычная сдержанность, задал судье Скалиа, одному из ярчайших оригиналистов в Суде, провокационный вопрос: «По-видимому, уважаемый судья хочет знать позицию Джеймса Мэддисона касательно видеотр. пропагандирующих насилие?» На что находчивый Скалиа

Разумеется, американское конституционное судопроизводство не обходит стороной многолетняя дискуссия о том, кого следует назначать в Верховный Суд – теоретиков или практиков?

В этой связи следует учитывать, что столь явное преобладание в составе Верховного Суда бывших федеральных судей, как правило, апелляционного уровня, имплицитно заложено в самой модели конституционного контроля, воспринятой в США. Как известно, Верховный Суд, возглавляя судебную систему страны, действует исключительно в процедуре проверки конституционности норм, только в связи с конкретным уголовным или гражданским делом, которое поступило к нему, пройдя все предыдущие инстанции. Таким образом, прежде всего Суд должен разрешить вопрос по существу, попутно высказавшись касательно конституционности норм, подлежащих применению в данном деле. Именно этим объясняется востребованность юристов, которые уже имели опыт работы в нижестоящих судах, при комплектовании суда Верховного.

Кроме того, последний в ряде своих решений (*Klapper v. North Carolina* и др.) признал, что текст Билля о правах, будучи федеральным конституционным актом, тем не менее обязателен для применения не только федеральными судами, но и судами штатов, где рассматривается основная масса уголовных дел. В итоге судьи общих судов вынуждены постоянно держать в поле зрения конституционные нормы как нормы прямого действия, что несколько сближает их с верховными судьями, элиминируя одновременно разрыв между «судами факта» (общие суды) и «судами права» (конституционные суды), столь очевидный в недрах континентальной правовой семьи¹.

Профессор университета Огайо Л. Баум отмечает еще одну причину, почему президент охотнее выдвигает в Верховный Суд кандидатуры юристов-практиков: «Когда судья имеет солидный

мгновенно ответил: «Нет, меня всего лишь интересует, что Мэддисон думал о насильии». См.: Coyle M. Op. cit. – P. 72.

¹ Головки Л.В. Материалы к построению сравнительного уголовно-процессуального права // Труды юрид. ф-та МГУ. – Кн. 11. – М.: Правоведение, 2009. – С. 233.

багаж вынесенных решений, как, скажем, Сотомайор или Аливо, президенту и его советникам легче проследить позицию такого судьи по вопросам федерального значения и сопоставить ее с прецедентской». Так что не стоит думать, будто «умные нам не надобны, надобны верные» - исключительно украинская проблема. Президент США не в меньшей мере подбирает для назначения в Верховный Суд преимущественно тех кандидатов, которые соответствуют его идеологическим предпочтениям. Тем не менее и из этого правила бывают исключения. Вспомним, к примеру, жизненный путь У. Бреннана.

Уильям Бреннан (1906-1997 гг.), назначенный в Верховный Суд в 1956 г. президентом Д. Эйзенхауэром (впоследствии консервативно настроенный Эйзенхауэр даже назвал это назначение «одной из своих главных ошибок, когда-либо сделанных»), зарекомендовал себя как решительный активист, не боявшийся вторгаться в прерогативы законодательной и исполнительной властей, а также как один из лидеров либерального крыла в «суде Уоррена», что полностью диссонировало с позицией президента. Спустя годы в своей лекции перед студентами Джорджтаунского университета Бреннан скажет: «Мой долг состоял не в том, чтобы слепо придерживаться Конституции двухсотлетней давности, но в том, чтобы приспособить ее великие принципы к текущим проблемам и сегодняшним нуждам»².

Мало кто знает, что в 2003 г. представители чикагской юридической школы провели интересное исследование, изучив, начиная с XVIII в., корреляцию между предыдущим профессиональным опытом судей и принимаемыми ими решениями. В частности, были установлены следующие закономерности: а) судьи Верховного Суда, занимавшиеся частной юридической практикой и представлявшие интересы корпораций, в большей степени склонны удовлетворять групповые иски (union claims), нежели судьи, не имевшие подобного опыта; б) судьи Верховного Суда, ранее работавшие в нижестоящих судах, более чувствительны к позиции правительств, нежели судьи-выходцы из академической среды;

¹ Baum L. The Supreme Court. – L.: SAGE Publications Inc., 2013. – P. 37.

² Цит. по: Ryan P. Brennan, William // Encyclopedia of the Supreme Court / Ed. by D. Schultz. – N. Y.: Facts On File, 2005. – P. 53.

в) судьи Верховного Суда, ранее работавшие в прокуратуре, более «консервативны», чем судьи, не имевшие подобного опыта¹; г) судьи Верховного Суда, ранее работавшие профессорами права, в меньшей степени ощущают себя связанными силой прецедента (binding force), нежели судьи-выходцы из судов общей юрисдикции, и, как следствие, более охотно голосуют за их преодоление².

Завершая тему, связанную с персональным составом, хотелось бы напоследок сказать о следующем. Не секрет, что, как справедливо отмечает профессор Ю.Г. Барабаш, сама история Верховного Суда дифференцируется по периодам, связанным с именем председателя следующего: «суд Уоррена», «суд Бергера» и т. д.³ Однако в современной американской литературе многие авторы задаются вопросом: а является ли в действительности нынешний Верховный Суд «судом Робертса»?

Во-первых, председательские позиции Робертса ослабляет резкое размежевание внутри самого Суда, вследствие чего он рассматривается скорее как лидер его консервативного крыла, нежели Суда в целом, подобно тому, как, например, Дж. П. Стивенса вплоть до отставки называли «председателем либерального Верховного Суда»⁴. В этой связи приходится констатировать, что ныне Верховный Суд выступает отнюдь не таким откровенно сплоченным вокруг одного лидера государственным ведомством, как это было во времена Э. Уоррена. Как признавался сам Робертс в интервью «Российской газете», «хотелось бы мне утверждать, что главный судья руководит судом... Часто говорят: мы (председатели Верховного Суда. – А.Е.) держим бразды правления, но не

¹ Имеется в виду, что они реже голосуют за решение, принятое в пользу обвиняемого.

² Epstein L., Knight J., Martin A. The norm of prior judicial experience and its consequences for career diversity on the US Supreme Court // California Law Review. – 2003, July. – Vol. 91. - № 4. – P. 961-965.

³ Барабаш Ю.Г. Реформування системи призначення суддів Конституційного Суду України як напрямом зниження конфліктності у його діяльності // Право і безпека. – 2007. - № 6'2. – С. 12.

⁴ Cornes R. Gains (and dangers of losses) in translation – the leadership function in the UK Supreme Court, parameters and prospects // Public Law. – 2011, July. – P. 526.

можем слишком сильно натягивать вожжи, поскольку сразу выясняется, что судьи ни к чему не «привязаны»¹. Ситуацию не спасает даже то, что к моменту назначения многие судьи лично знали Робертса, поскольку тот, будучи партнером крупной юридической фирмы «Hogan & Natson», представлял интересы своих доверителей в 39 делах, которые слушались Верховным Судом, выиграв 25 из них.

Во-вторых, многие судьи, в особенности из либерального лагеря, испытывают на себе заметное интеллектуальное влияние Е. Каган² - фигуры, если можно так выразиться, равноценной Робертсу по своему интеллекту и опыту. За ее плечами также хорошее образование, богатейший опыт преподавательской работы (в этом отношении Робертс в большей степени юрист-практик) и взаимодействия с верховными судьями (в качестве Генерального солиситора она представляла позицию федерального правительства в 6 делах). Кроме того, Каган нельзя отказать в женском обаянии и умении формировать вокруг себя когорту единомышленников. Как заметила однажды судья Р. Гинзбург, «если мы спросим любого из судей, кто лучший друг Елены, то каждый ответит: «Конечно же, я»³.

Как видим, «суд Робертса» внутренне разобщен⁴, в нем четко оформились две фракции – либеральная и консервативная, в каждую из которых входит одинаковое количество судей, а значит

¹ Робертс Дж. Указ. соч.

² Любопытно, что в самом Верховном Суде, признавая глубокие знания и неоспоримую харизму Е. Каган, многие считают ее чуть ли не «красной», мотивируя это, в частности, тем, что ее диссертация в Принстоне была посвящена социалистическому движению в Нью-Йорке, а ее научным руководителем был профессор М. Горвиц, известный своими «левыми» взглядами.

³ Tushnet M. In the balance: law and politics on the Roberts Court. – N. Y.: W. W. Norton & Co., 2013. – P. 86.

⁴ Показательно, что даже тот факт, что Робертс, будучи председателем Суда, получает на 10 тыс. долл. в год больше, чем «рядовые» судьи (223500 \$ против 213900 \$), вызывает серьезную критику со стороны его коллег и служит дополнительным «детонатором» в отношениях между ними, хотя, казалось бы, зависть – далеко не самая типичная черта американского характера. См.: Stevens J.P. Five Chiefs: A Supreme Court memoir. – N.Y.: Back Bay Books, 2011. – P. 42.

без решающего голоса «центриста» Кеннеди ни одно решение не может быть принято. Данное обстоятельство, кстати говоря, дает возможность некоторым исследователям вовсе именовать Верховный Суд «судом Кеннеди»¹. Именно по этой причине среди решихений Суда все чаще встречаются такие, которые принимаются не на основе «мнения большинства», подготовленного одним из членов Суда и содержащего согласованный с большинством судей и полностью ими поддержанный вывод, а на основе «плюралистического мнения», т. е. конгломерата мнений судей, аргументация которых может сильно различаться.

¹ Coyle M. Op. cit. – P. 98.

3. Доступ к конституционному правосудию в «суде Робертса»

Мы уже говорили о том, что в странах англосаксонской правовой семьи возможность пересмотра решений нижестоящих судов судом Верховным предполагает не только соответствующее волеизъявление апеллирующего лица, выраженное в форме жалобы, но и разрешение на апелляцию, выдаваемое самим Верховным Судом (так называемая процедура certiorati). А для этого, в свою очередь, необходимо соблюсти ряд условий. Во-первых, дело должно пройти все предыдущие инстанции, а во-вторых, в нем должен быть поднят федеральный вопрос, разрешаемый с помощью Конституции США, федерального закона или международного договора. Кроме того, заявитель обязан уплатить пошлину в размере 300 долл.

Однако даже при соблюдении этих условий апелляции далеко не всегда достигают Верховного Суда. Дело в том, что начиная с 1925 г., последний осуществляет жесткий контроль за своей «повесткой дня» (docket), отбирая лишь те дела, которые важны и интересны для него. Поэтому на практике нередки случаи, когда дело, казалось бы, относится к компетенции Верховного Суда, однако тот отказывается от его рассмотрения под предлогом отсутствия в нем «существенного федерального вопроса». Происходит это на основании неписаного правила, известного как «правило четырех» (rule of four). Имеется в виду, что вопрос о допуске апелляции для рассмотрения решается не менее чем четырьмя судьями – членами Верховного Суда, причем они не обязаны объяснять причины отказа. А ведь по подсчетам Дж. П. Стивенса, такова участь около 98 % поступивших в Верховный Суд дел¹.

Мало того, как подчеркивает П. Д. Блохин, выработалась – и это общий недостаток конституционных (верховных) судов во всех странах мира – своеобразная «философия» работы с обращениями – выискивание клерками любых формальных процессуальных недостатков жалоб с целью их дальнейшего отклонения, в результате чего «креативная энергия» тратится

¹ Stevens J.P. Op. cit. – P. 43.

не на решение сложных конституционно-правовых проблем, а на установление того, что Суд может или не может рассмотреть вать¹.

Например, в первый год работы «суда Робертса» из 8517 поступивших в него апелляций были рассмотрены только 78, что составляет менее 1 %². Это – один из самых низких показателей за всю историю деятельности Верховного Суда, начиная с 60-х гг. прошлого века³. Если в 1960 г. «суд Уоррена» из 2313 апелляций отобрал для рассмотрения около 300, что в процентном отношении составляло 13 % (при том что впоследствии многие решения по этим делам были признаны настоящими шедеврами юридической мысли), то в 2008 г. «суд Робертса» из 7738 апелляций (прирост обращений по сравнению с 1960 г. на 234 % !) рассмотрел менее 80. Таким образом, все сокращающаяся повестка дня – одна из характернейших примет нынешнего Верховного Суда США.

В общем виде статистика дел, рассмотренных Верховным Судом, начиная с октябрьской сессии 2005/2006 гг.⁴ – первого года существования «суда Робертса», выглядит следующим образом⁵:

¹ Блохин П. Д. Конституционная жалоба в Республике Словения с точки зрения проблемы доступа к правосудию // Не опубликовано.

² Thompson D., Wachtell M. An empirical analysis of Supreme Court certiorari petition procedures: the call for response and the call for the views of the Solicitor General // George Mason Law Review. – 2009. – Vol. 16. - № 2. – P. 241.

³ Baum L. Op. cit. – P. 86.

⁴ Работа Верховного Суда США начинается в первый понедельник октября и продолжается столько времени, сколько требуется для разрешения дел, но обычно – до конца июня.

⁵ Информация приведена по: Stat Pack for October Term 2012. URL: http://www.scotusblog.com/wp-content/uploads/2013/06/SCOTUSblog_Stat_Pack_OT12.pdf.

Судебная сессия	Количество решений, вынесенных по результатам судебного разбирательства	Количество решений, вынесенных без участия разбирательства и содержащих только резолютивную часть	Общее количество вынесенных решений
2005	71	11	82
2006	68	4	72
2007	69	2	71
2008	75	4	79
2009	72	14	86
2010	77	5	82
2011	65	11	76
2012	73	5	78
Среднее арифметическое	73	6	79

О чем свидетельствуют приведенные цифры ?

Как подчеркнул в своем выступлении на Йельском симпозиуме, посвященном проблеме фильтрации дел, апелляционный судья Дж. Уилкинсон, который сам одно время работал клерком у Верховного судьи Л. Пауэлла, а во время болезни председателя Верховного Суда У. Ренквиста рассматривался как один из потенциальных конкурентов Роберта, относительно низкие показатели работы Суда – ярчайшее свидетельство доктрины разумного самоограничения (judicial self-restraint), взятой, по всей видимости, на вооружение верховными судьями. «Опасность решения вопроса Верховным Судом, – говорил Уилкинсон, – значительно больше той опасности, которая возникает, когда вопрос передается на рассмотрение политическим властям или нижестоящим судам. Ведь

когда ошибается Верховный Суд, эхо его ошибки раскатывается по всей стране»¹.

Также выдвигаются аргументы о том, что основную массу дел, поступающих сегодня в Верховный Суд, составляют жалобы лиц, находящихся в местах лишения свободы, с ходатайством о пересмотре приговоров, а также обжаловании своего задержания в процедуре habeas corpus, разрешить которые в силах местные суды без участия Верховного. Тем самым не смотря на внешний приrost апелляции в сравнении с тем же «судом Уоррена», неуклонно сокращается количество подлинно интересных дел, связанных с неоднозначными вопросами права, толкованием федерального законодательства, спорами о компетенции² – словом, всего того, что составляло основной «фронт работ» Верховного Суда в золотой век его истории³.

И вот тут нужно отметить следующее. Американские исследователи и публицисты давно говорят об известной повторяемости, цикличности в развитии общественно-политических процессов в США. Как отмечал один из наиболее известных сторонников этой точки зрения, американский историк А. Шлезингер, «мы чередуем периоды «активизма», приверженности высоким обязательствам, усиленной общественной деятельности с периодами усталости...»⁴ В соответствии с этой схемой сегодня в деятельности Верховного Суда наметился закономерный спад, пришедший на смену повешенному «активизму» «суда Уоррена» и его последователей.

Можно встретить еще одно соображение. Ряд аналитиков сходится во мнении, что нынешние судьи просто менее работоспособны, чем их предшественники, многие из которых вышли из «социальных низов» американского общества, прошли Вторую мировую войну, имели более разнообразный профессиональный опыт, нежели «чистое» судейство или преподавательская работа,

¹ Wilkinson III J. If it ain't broke... URL: <http://www.yalelawjournal.org/the-yale-law-journal-pocket-part/supreme-court/ff-it-ain't-broke->

² Хотя и сейчас Верховным Судом принимается к рассмотрению около 70 % дел, инициированных федеральным правительством.

³ Baum L. Op. cit. – P. 97, 98.

⁴ Шлезингер А. Циклы американской истории. – М.: Прогресс, 1992. – С. 48, 49.

и т. д. Впрочем, противники такого подхода отмечают, что меньшее количество принятых к рассмотрению дел дает возможность более глубокого и качественного рассмотрения, не отражающегося при этом на здоровье самих судей, многие из которых, живя в нашей стране, давно перешагнули пенсионный рубеж (средний возраст нынешнего состава Верховного Суда составляет 67 лет). Как не без иронии заметил по этому поводу судья Дж. П. Стивенс, служивший в Перл Харборе радистом и занимавший свой пост на протяжении тридцати пяти лет (1975-2010 гг.), «наверное, мы могли бы рассматривать по 150 дел в год, как, это было, когда я пришел в Суд. Однако в таком случае я был бы вынужден покинуть его несколько раньше...»¹

Как бы то ни было, расширение «повестки дня» – одно из серьезных заданий среди тех, которые стоят сегодня перед Верховным Судом. Неслучайно оно называлось на сенатских слушаниях в числе приоритетов еще при утверждении Робертса на посту председателя.

4. Устные слушания в «суде Робертса»

Ни для кого не секрет, что письменные слушания являются непоставимо более востребованной формой осуществления конституционного правосудия в современном мире, нежели слушания устные. Достаточно сказать, что в 2012 г. Конституционный Суд Украины лишь дважды рассматривал дела в режиме устных слушаний (7 февраля и 15 марта), в то время как основная масса дел была разрешена им на основе письменных материалов. И в этом, похоже, он не одинок. К примеру, в Федеральном Конституционном Суде ФРГ, по подсчетам самих же судей, в устной форме рассматривается менее 1 % дел¹.

Можно обратиться за примером и к французскому Конституционному Совету, где до недавнего времени процедура разрешения дел была исключительно письменной. И только в ходе реформы конституционного контроля, инициированной президентом Н. Саркози и проведенной в 2008-2009 гг., следствием которой стало, помимо прочего, введение нового вида конституционного производства – производства по вопросам о конституционности законов, подлежащих применению в делах, рассматриваемых судами общей юрисдикции, регламент Совета стал предусматривать прения сторон². Но особенно заметна тенденция к усилению письменных начал в конституционном судопроизводстве России, где 03.11.2010 г. в Закон о Конституционном Суде была внесена специальная статья 47¹, регулирующая порядок разрешения дел без проведения слушаний. Как видим, в зарубежном конституционном правосудии даже при утверждении устного рассмотрения дел в качестве общего правила оно все же представляет собой исключение, в то время как письменное производство считается наиболее экономным и в данном отношении эффективным способом.

¹ Шгайнкюлер М. Письменные процедуры Федерального Конституционного суда в свете основных демократических принципов // Диалог представителей высших судов и органов прокуратуры Германии и России. – М.: КС РФ, 2005. – С. 98.

² Нуриев Г.Х. Европейская модель конституционного судопроизводства. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. – С. 180.

¹ Ibid. – P. 99.

Несколько иначе обстоит дело в Верховном Суде США. Там прения сторон, напротив, – неотъемлемый атрибут справедливого судебного разбирательства. Именно поэтому в Правилах Верховного Суда (далее – Правила) содержится целый перечень предписаний, направленных на обеспечение устной формы разбирательства (что, впрочем, не освобождает адвокатов от необходимости подачи письменных аргументов «briefs on the merits» строго установленного формы и содержания), а именно: выступления адвокатов сторон по делу обязательны; устные аргументы должны использоваться для того, чтобы усилить и прояснить письменные аргументы; регламент выступления – максимум 30 мин.; выступления по заранее подготовленному письменному тексту не одобряются. Важно, что согласно новой редакции Правил, принятой 19 апреля и вступившей в силу с 1 июля 2013 г., теперь в Суде имеет право выступать только юрист с адвокатской лицензией (правило 28)¹.

На практике Верховный Суд заслушивает устные аргументы сторон три раза в неделю – от понедельника до среды, с 10 до 15 часов с 45-минутным перерывом на обед. Причем расписание здесь следующее: две недели кряду происходит судопроизводство, а затем две недели судьи отдыхают от заслушивания речей. Пятница традиционно считается днем совещания судей, которое проходит в специально оборудованной для этой цели комнате (conference hall), однако в те недели, когда устных слушаний нет, таким днем может стать четверг.

Как видим, перед адвокатом, выступающим в Верховном Суде, стоит триединая задача: во-первых, разработать выигрышную стратегию, исходя из применимого права и имеющихся в деле фактов; во-вторых, изложить свои аргументы в письменном виде для оппонентов и Суда и, наконец, в-третьих, представить свою позицию в устных прениях с представителями противоположной стороны в судебном заседании². Причем в США этому умению начинают обучать юристов еще со студенческой скамьи. Так,

¹ Rules of the Supreme Court of the United States. URL: <http://www.supremecourt.gov/crules/2013RulesoftheCourt.pdf>.

² Байпан Г. «Мутный» лик юридического образования // Международное правосудие. – 2011. - № 1. – С. 128.

в американских юридических вузах широко распространено проведение учебных процессов по модели Верховного Суда, наиболее известным из которых является конкурс Эймс в Гарвардском университете¹.

Судья Верховного Суда А. Скалиа в своей монографии о судебном красноречии сформулировал несколько «золотых правил», которым должен следовать любой оратор для того, чтобы достичь главной (да и, пожалуй, единственной) цели – убедить Верховный Суд в своей правоте. Вот лишь некоторые из аксиом: ни в коем случае не зачитывать свои аргументы с листа; постоянно поддерживать зрительный контакт со всеми судьями; отвечать на любой заданный вопрос точно и недвусмысленно (в частности, если вопрос предполагает утвердительный или отрицательный ответ, то начинать непременно следует со слов «да» или «нет»); не перебивать судью и не пытаться продолжать выступление, если судья начал говорить².

О высокой социальной миссии адвоката, отстаивающего интересы своего клиента в высшей судебной инстанции страны, хорошо сказал председатель Робертс: «Каменщики, построившие грандиозные соборы в Европе, проводили месяцы, кропотливо вырезая горгулий под крышей, которых потом никто не сможет разглядеть. Адвокат должен столь же кропотливо готовиться, анализировать, репетировать ответы на сотни вопросов, которые, скорее всего, ему не зададут. Средневековые каменщики делали то, что делали, потому что, как тогда говорили, они работали перед лицом Бога. Адвокат в Верховном суде тоже должен вдохновляться более высокой целью. Он должен ценить то, что происходит в суде, в одном скучном деле за другим — торжествует правосудие, и он, как адвокат, играет в этом ключевую роль»³.

Чем же обусловлено преобладание той или иной формы слушаний в различных моделях конституционной юстиции?

Думается, причин здесь несколько. В их числе можно назвать наличие или отсутствие института конституционной жалобы, об-

¹ Там же. – С. 129.

² Там же. – С. 131, 132.

³ Roberts J. Oral advocacy and the re-emergence of a Supreme Court Bar // Journal of Supreme Court history. – 2005, March. – Vol. 30. – Issue 1. – P. 79, 80.

щую нагрузку на Суд и отдельных судей и т.д. Однако главная, как представляется, кроется в другом, а именно – правовой традиции, существенным образом отличающейся в двух правовых системах. Вот что писал об этом профессор Стэнфордского университета Л. Фридман: «Традиция общего права основанной упор делает на «слово». Суды общего права предпочитают сказанное слово написанному документу. Документы не отвергаются, но все же звучащее слово – это движущая сила, сердце слушания в судах общего права, живое свидетельство, производимое живым человеком, сидящим или стоящим перед глазами присутствующих в зале заседания...»¹.

Как мы отмечали ранее, каждой стороне для изложения своей позиции дается не более 30 минут. Пожалуй, единственным извесным нам исключением стали судебные слушания в отношении упомянутой в начале статьи реформы здравоохранения, устная полемика относительно конституционности которой шла в общей сложности 6 часов на протяжении 3 дней. Симптоматично, что в целом аналитики отмечают более либеральный стиль ведения устных слушаний, который исповедует председательствующий в судебных заседаниях Робертс, чем тот, который характеризовал его предшественника У. Ренквиста. Если последний жестко контролировал правила судебного регламента, по существу, вынуждая адвокатов укладываться в отведенные им полчаса, то Робертс в ходе устных слушаний по делу *Arizona v. United States*, в котором федеральное правительство обжаловало иммиграционное законодательство указанного штата, продлил сторонам время для представления речей еще на 20 минут². Иногда председатель дает несколько дополнительных минут стороне на то, чтобы та выступила с краткой репликой или оппарировала последний по времени аргумент процессуального противника (так называемое rebuttal time). И такие случаи далеко не единичны.

Отмеченная особенность представляет отнюдь не умозрительный интерес. Она способствует тому, что в заседаниях Верховного Суда стал более спокойным психологический климат: адвокаты

меньше волнуются, зная, что у них в запасе всегда будет пара тройка дополнительных минут. Как следствие, кануло в небытие ренквистское «давай-давай», чтобы избежать которого адвокат должен был постоянно следить за лампочкой, находящейся возле председательствующего, и мгновенно замолчать в момент ее загорания, что знаменовало окончание отведенного ему времени¹.

Однако не будет преувеличением сказать, что торжественность обстановки в Верховном Суде, осознание ответственности момента все равно заставляют волноваться даже опытных юристов, тем более что судьи постоянно прерывают адвокатов вопросами, стараясь полнее уяснить все обстоятельства дела. Например, выступая в 2011 г. перед Верховным Судом, адвокат лишь успел поприветствовать председательствующего и судебный состав, после чего сразу прозвучал первый вопрос от Е. Каган². В среднем в течение 30 мин. адвокат получает со стороны судей от 60 до 80 вопросов, причем «высшим пилотажем» считается умение подвести их к тому вопросу, который хотел бы от них услышать сам адвокат³.

Учеными, специализирующимися на исследовании ораторского мастерства в Верховном Суде, в том числе самим Робертсом, который не чужд научной деятельности, была выявлена любопытная закономерность – проигрывает тот адвокат, которому судьи задают больше вопросов. Так, из 28 дел, отобранных Робертсом (14 – из тех, что слушались в 1980 г., 14 – в 2003 г.), в 24 четко просматривалась указанная тенденция. Так что, резюмирует Робертс, для того, чтобы успешно представлять интересы своего клиента во время судебного заседания в органе конституционной юстиции, совсем не обязательно читать толстые книжки по риторике – достаточно предоставить возможность судьям задавать вопросы твоему оппоненту⁴.

¹ Среди американских адвокатов, представлявших интересы своих доверителей в Верховном Суде, бытовала такая шутка: «Кто такой адвокат в Верховном Суде? Собака Павлова – по свистку начал говорить, по свистку заткнулся».

² Baum L. Op. cit. – P. 107.

³ Bishop T. Oral arguments in the Roberts court. URL: <http://www.mayerbrown.com/files/News/57c309ea-fd8c-4064-bfc1-1957abb30dbf/Presentation/NewsAttachment/fc7d0d22-7f60-46c0-ab5d-7a0318d507f8/bishop35n2.pdf>.

⁴ Roberts J. Op. cit. – P. 75.

Также обращает на себя внимание то обстоятельство, что количество вопросов, с которыми судьи обращаются к представителям сторон, последние два десятилетия неуклонно растут. Крупнейшие чикагские бихевиористы Р. Познер и Л. Эпстайн связывают это с так называемым «профессорским эффектом», обусловленным, в свою очередь, тем, что в Верховный Суд делегируются профессора права (Р. Гинзбург, С. Брейер, Е. Каган), для которых работа со студентами в режиме «вопрос-ответ» является привычным делом¹.

В зависимости от степени активности во время устных слушаний в американской юридической литературе выделяются следующие поведенческие типы верховных судей:

1. *Судья-экстраверт*. Этот тип, без сомнения, олицетворяет собой А. Скалиа. Потомок итальянских иммигрантов, любящий отец девяти детей, он настолько темпераментный человек, что уже на первом совещании судей вскоре после назначения Робертса на пост председателя, когда тот стал предоставлять возможность каждому высказать свою позицию по делу в порядке убывающего старшинства (в Верховном Суде США первоначально высказываются судьи с наибольшим стажем работы, что вообще-то неправильно, учитывая риск конформного влияния на менее опытных коллег), сопровождая это уважительным «судья Стивенс, пожалуйста», «судья О'Коннор, прошу», Скалиа перебил председателяствующего и безапелляционно заявил: «Я всегда буду называть вас «председатель», но для вас я – Нино, а это – Джон, а она – Сандра»².

Аналогичным образом Скалиа ведет себя и во время заслушивания устных аргументов. Когда 78-летняя судья Р. Гинзбург во время октябрьской сессии 2011 г. задала вопрос адвокату и тот стал отвечать на него, Скалиа, не удовлетворившись ответом, перебил адвоката и задал свой вопрос. На что адвокат ответил: «Ваша честь, конечно, у вас это получилось бы более артистично, но это как раз та проблема, которую я пытаюсь осветить»³.

¹ Epstein L., Landes W., Posner R. The behavior of federal judges. – L.: Harvard Univ. Press, 2013. – P. 313.

² Abraham H. Justices, presidents and senators. – L.: Rowman & Littlefield Publ., INC., 2008. – P. 322, 323.

³ Baum L. Op. cit. – P. 108.

Как и подobaет истинному итальянцу, Скалиа присуще отменное чувство юмора. Так, в ходе первой октябрьской сессии «суда Робертса» (2005-2006 гг.) ему 64 раза удавалось вызвать смех аудитории своими репликами и вопросами, что является в известном смысле рекордом (сам Робертс с успехом продемонстрировал свое чувство юмора около 20 раз, стремясь, по-видимому, разрядить гнетущую атмосферу первых судебных заседаний после смерти У. Ренквиста)¹. Отметим также, что только в 2005 г., находясь на пороге своего 70-летнего юбилея, Скалиа посетил 24 страны (среды которых Австралия, Ирландия, Турция и родная ему Италия). Кроме того, будучи страстным поклонником оперы, он время от времени лично принимает участие в любительских театральных постановках. А чего стоило шумевшее интервью эротическому журналу «Playboy», которое он дал в 1993 г.!

Немудрено, что в такой манере поведения многие усматривают дешевую «игру на публику», эксцентрики избалованного славы гения. Как не без иронии подметила корреспондентка «USA Today» Дж. Бискупик, «если бы мозг имел мускулы и заседания Верховного Суда транслировались бы по телевидению, то Скалиа без сомнения стал бы Арнольдом Шварценеггером американской юриспруденции»². Однако, думается, дело в другом. Скалиа, которого при всем желании нельзя обвинить ни в нехватке опыта, ни в недостаточной компетентности³, сознательно бросает перчатку общественному мнению с тем, чтобы, с одной стороны, лишний раз продемонстрировать собственную независимость, а с другой – если это происходит во время судебного разбирательства – следить отчетливыми нагяжки и уязвимые места в позиции стороны.

¹ Wrightsman L. Oral arguments before the Supreme Court. – L.: Oxford Univ. Press, 2008. – P. 91.

² Ibid. – P. 92.

³ А. Скалиа закончил Джорджтаунский и Гарвардский университеты, учился в швейцарском университете Фрибурга, преподавал административное право в Вирджинском и Чикагском университетах, входил в состав множества влиятельных правительственных комиссий, четыре года работал апелляционным судьей и вот уже скоро, как тридцать лет, судьей верховным. В 2012 г. он издал 600-страничную монографию, посвященную искусству толкования юридических текстов, мгновенно ставшую бестселлером.

Кроме того, нужно иметь в виду, что долгие годы Скалиа работал преподавателем юриспруденции, важнейшим искусством которого, как известно, является умение ослабить студенческую аудиторию удачной шуткой, мгновенно продолжив после этого изложение учебного материала.

Так, в 2005 г. в ходе слушаний по делу *Illinois v. Caballes* предмет разбирательства состоял в том, может ли полиция начать действовать, если полицейская собака случайно почувствовала запах наркотиков в одной из стоящих в автомобильной пробке машин, или же это будет нарушением четвертой поправки к Конституции США, гарантирующей неприкосновенность личности и жилища без судебной санкции на обыск. Скалиа задал прокурору Иллинойса следующую вопрос: «Конечно, вы допускаете, что обыск может быть бессмысленным и наркотиков там не окажется... Но как быть с тем, что в 99 случаях из 100 собака не ошибается?»¹ Стоит ли говорить о том, что прокурору, как говорится, было «нечем крыть».

Резюмируя беглый психологический портрет, характеризующий поведение Скалиа, хотелось бы привести показательный случай, который произошел в начале 1990-х гг. во время встречи судьи со студентами-правоведами Луизианского университета. Один из ребят встал и сообщил немало озадаченному Скалиа, что назвал свою любимую рыбку в честь него. «О, - нашелся Скалиа, - наверное, вы назвали ее Нино?». «Нет, - ответил студент, - я назвал ее «судья Скалиа», потому что она пожирает всех остальных рыб»².

2. *Судья-соглашатель*. Несмотря на то, что судья Скалиа и Брейер имеют примерно тождественный жизненный опыт (оба они начинали университетскими профессорами, затем служили судьями апелляционной инстанции, а Брейер даже ее председателем), тем не менее их манера вести себя в судебных заседаниях в корне отличается друг от друга. Брейер, который и олицетворяет тип судьи-соглашателя, в большей степени соответствует традиционному представлению о том, как должен держаться на публике служитель Фемиды с академическим прошлым. «Гам, где Скалиа, предельно прям, Брейер – хаотичен; где Скалиа чуть ли не выражает стокнившуюся у него заранее позицию по делу, Брейер пыгается

¹ Ibid.

² Ibid. – P. 93.

угодить обеим сторонам; где Скалиа агрессивен, Брейер – вежлив и лицеприятен»¹.

Однако было бы преувеличением полагать, что Брейер задает исключительно вопросы, приятные адвокатам. Его фирменным стилем является стремление задавать как можно больше гипотетических вопросов, то есть таких, где он ставит своих собеседников перед некоей потенциальной возможностью («что бы было, если бы...») и просит затем ее прокомментировать. Думается, что такие вопросы вполне органично смотрелись бы и в рамках украинского конституционного судопроизводства. В остальных случаях Брейер не столько спрашивает, сколько находится в некоем «сократовском диалоге» с представителями сторон.

Добавим к сказанному, что Брейер чрезвычайно скромный человек. Когда ему в январе 2005 г. по ошибке пришла повестка с приглашением принять участие в суде присяжных (как известно, профессиональным юристам, а тем более судьям, запрещено исполнять обязанности присяжных заседателей), то он, ничуть не смутившись своего высокого социального статуса, явился на заседание, приветливо общался с простыми налогоплательщиками, пришедшими в суд, и только после того, как его имя было оглашено председательствующим, был вынужден покинуть скамью присяжных².

3. *Судья-пример того, как не надо себя вести*. Дело в том, что очень часто сомнения в эффективности устных аргументов рождаются при взгляде на судей, выслушивающих речи. Судья К. Томас – как раз из их числа. Во время заслушивания речей адвокатов он, как правило, болтает с рядом сидящим Брейером или просто сидит, откинувшись на спинку кресла с отсутствующим видом либо закрытыми глазами. Как видим, даже для Америки пугающе актуально звучат слова выдающегося русского адвоката и знатока судебного красноречия П.С. Пороховщикова, сказанные без малого столетие назад: «Наши судьи по большей части думают, что речи сторон – ненужная болтовня, что они сами понимают дело лучше ораторов и знают без них, как надо решить его»³.

¹ Ibid.

² Ibid. – P. 94.

³ Сергеев П. Искусство речи на суде. – М.: Юрид. лит., 1988. – С. 70.

Достоверно известна дата, когда Томас задал своей последний на сегодняшний день вопрос – 26 февраля 2006 г. Таким образом, вот уже на протяжении восьми лет он безмолвствует в судебных заседаниях. Когда ему задали вопрос, почему он так себя ведет, Томас ответил буквально следующее: «Пока я не захочу задать вопрос, я его не задаю. Я не задаю вопросы ради развлечения (здесь многие увидели прозрачный намек на судью Скалиа. – А.Е.). Я не задаю вопросы, чтобы поставить людей в неловкое положение. Я знаю, что многие мои коллеги любят задавать вопросы, и если немного подождать, они зададут твой вопрос. Кроме того, в начале своего пути я был «по ту сторону баррикад» и помню, как тяжело мне приходилось, когда судьи задавали свои нелепые вопросы. Я не хочу такой судьбы молодым юристам»¹.

Зато иногда Томас срывается и вслух проговаривает то, о чем вообще-то стоит полемизировать в совещательной комнате. К примеру, когда в ходе судебного разбирательства по делу *Virginia v. Black* судьи были вынуждены дать определенную оценку действиям расистской организации «Ку-клукс-клан» и, в частности, правомерности использования ее эмблемы – горящего креста, то Томас, перебив представителя стороны, произнес пространный монолог об аморальности каких-либо попыток реабилитировать «Ку-клукс-клан» в глазах общества и о том, какой ужас навел на негритянское население горящий крест во времена его детства, выступая символом «столетнего господства суда Линча»². Примечательно, что при итоговом голосовании Томас, как правило, солидаризируется с позицией Скалиа (в 86 % случаев, как это имело место на протяжении 2011-2012 гг.).

Как бы то ни было, поведение Томаса во время устных слушаний вызывает справедливые нарекания со стороны как его коллег, так и представителей научной общности, наблюдающих за функционированием Верховного Суда.

Резюмируя, следует отметить, что в статистическом отношении картина выглядит следующим образом³:

¹ Wrightsman L. Op. cit. – P. 98.

² Ibid.

³ Информация приведена по: Stat Pack for October Term 2012. URL: http://www.scotusblog.com/wp-content/uploads/2013/06/SCOTUSblog_Stat_Pack_OT12.pdf.

Фамилия судьи	Среднее количество вопросов на одни устные слушания
Сотомайор	21,6
Скалиа	20,5
Робертс	17,9
Брайер	17,5
Каган	11,2
Гинзбург	10,5
Кеннеди	10,2
Алито	7,7
Томас	0

Как видим, помимо привычной тройки лидеров (Скалиа, Робертс, Брайер) с недавнего времени к ним добавилась еще одна – судья Сотомайор, которая сразу заняла ведущие позиции в Суде по количеству задаваемых вопросов. Назначенная на свой высокий пост только в 2009 г., выросшая в бедных кварталах Бронкса Сотомайор, по мнению многих аналитиков, стремится таким образом показать свою значимость и продемонстрировать тот вклад, который она вносит в осуществление правосудия наравне с общепризнанными авторитетами в области права.

5. Технологія прийняття рішень в «суде Робертса»

Значительный интерес для исследователя «суда Робертса» представляет методология работы судей над проектами решений, которая, как правило, ведется при активном участии клерков Верховного Суда¹. Наряду с двумя полярными вариантами взаимодействия судей со своими помощниками – от полного делегирования им соответствующих полномочий (чем грешил даже легендарный председатель Э. Уоррен) до прямого законодательного запрета поручать им написание проектов решений, как, например, это имеет место в Верховном Суде Великобритании, в США чаще всего используется тактика «гибкой интеракции» судьи и подчиненных ему клерков.

К примеру, помощники Робертса готовят ему только первоначальный проект решения, если воспользоваться выражением К.И. Чуковского, «первый черновик черновика», а затем, опираясь в том числе на этот материал, Робертс лично от руки прописывает от десяти до тридцати вариантов решения, консультируясь в процессе написания с другими судьями². Столь кропотливая работа во многом объясняется так называемой теорией «текучести судебного выбора» (fluid judicial choice), приверженцем которой является Робертс и которая помогает ему сохранить гибкую психологическую установку по делу. В соответствии с этой теорией судьи, начиная с самого первого совещания, на котором обсуждается существо дела, и до окончательной публикации мнений, могут часто менять их³.

¹ Каждый судья Верховного Суда США имеет право на четырех клерков и двух секретарей, которые именуются обобщающим термином «судебная семья» (court family).

² В свое время широкий резонанс получило особое мнение Робертса по делу *Pennsylvania v. Nathan Dunlap*, которое тот стилизовал под детективный роман. Начало звучало следующим образом: «Северная Филадельфия, 4 мая 2001 г. Офицер Шон Делвин из наркополиции находится на задании. Работа под прикрытием. Обстановка? Тяжелая, как засохший кусок мяса». Как тут не вспомнить мудрые слова В.В. Речицкого о том, что «в западной юриспруденции процесс гуманизации идет путем трансформации приемов научного поиска, «оплавления» твердых теоретических конструкций, метафоризации юридического языка»! См.: Речицкий В. Правнича наука і ВАК. URL: <http://www.lawyer.org.ua/?w=r&i=&d=611>.

³ Epstein L., Landes W., Posner R. Op. cit. – P. 271.

Как говорил сам Робертс на встрече со студентами в феврале 2005 г., «не вижу ничего страшного, если у меня сложилась одна точка зрения, когда я закончил читать письменные материалы дела, другая – когда я пообщался со своими клерками, третья – после заслушивания устных аргументов сторон и, наконец, четвертая – когда я вышел из совещательной комнаты, пообщавшись с коллегами¹. Следовательно, каждый последующий проект решения, подобно снежному кому, вбирает в себя новую информацию, накопленную судьями в процессе длительного и непредрвзятото разбирательства.

Судья Скалиа тоже поручает своим клеркам написание первого проекта решения, однако перед этим он всегда дает более-менее развернутую характеристику того, каким должен быть проект, и какие основные аргументы в нем следует отразить². Дж. П. Стивенс, напротив, всегда самостоятельно писал первоначальный проект решения, сразу давая понять, чего хочет «босс». А уже затем его помощники доводили текст до предельной отточечности используя в нем словесных конструкций и юридических формулировок. К. Томас, по-видимому, менее уверенно чувствующий себя среди своих коллег-судей, каждый из которых по определению специализируется в высочайшей квалификации, старается обсуждать предлагаемые варианты решений совместно со своими клерками, что дает возможность последним, большинство из которых составляют лучшие выпускники юридических факультетов, внушить ему соответствующую позицию по делу или, по крайней мере, подтолкнуть судью к принятию выгодного им решения³. Последнее утверждение, при всей своей кажущейся сомнительности, является далеко не голословным. Как признавал еще в 1957 г. молодой У. Ренквист, если способный и политически мотивированный клерк принадлежит к «поколению бунта», ему не составит большого труда сдвинуть своего судью «влево»⁴.

¹ Tushnet M. Op. cit. – P. 23.

² Насколько нам известно, именно так работает большинство судей в Конституционном Суде Украины.

³ Coyle M. Op. cit. – P. 104, 105.

⁴ Цит. по: Provine D. Case selection in the United States Supreme Court. – Ch.: Univ. of Chicago, 1980. – P. 186.

Что происходит в совещательной комнате после того, как клерки подготовили свои варианты решений и разослали их каждому из судей, - тайна за семью печатями. Это поистине «святая святых», ключевой этап в заседании органа конституционной юрисдикции, включающий обсуждение участия судей в заседании судьями предложенного проекта решения или вынесенных на голосование вопросов и голосование по ним. Известно лишь то, что ныне в Верховном Суде США дискуссия открывает председатель, а затем высказываются другие судьи в порядке убывающего старшинства, начиная с самого старшего по стажу работы в Суде (пост заместителя председателя Верховного Суда в США отсутствует).

Между тем, такая процедура представляется далеко не самой удачной. Оптимальным следует признать такое голосование, при котором поименный опрос судей производится от судей, имеющих наименьший стаж, - к судьям, имеющим наибольший стаж. При этом председатель Суда должен всегда голосовать последним, что преследует цель нейтрализации подчинения судей в выводах авторитету председательствующего, позволяет обеспечить благоприятные психологические условия формирования мнения каждого судьи по данному делу. Именно так и происходило в Верховном Суде вплоть до начала 90-х гг. прошлого столетия, когда верх взяла та точка зрения, что на итоговое решение не должны оказывать существенного влияния мнения судей-новичков, не успевших еще должным образом освоиться в специфике своей работы¹.

Если Ренквист, как и в случае с устными слушаниями, жестко лимитировал время, отведенное каждому судье для высказывания своей позиции по делу, что, в свою очередь, было обусловлено отношением самого Ренквиста к судейскому совещанию не как средству переубеждения судей друг другом, а способу организации коллективного «мозгового штурма» для наращивания аргументационной базы решения, то в «суде Робертса» от этого обыкновенения отошли. Теперь каждый судья вправе излагать свою позицию по делу так долго, как будет считать это нужным. Вместе с тем Робертс установил правило – «никто не говорит дважды,

¹ Janosik R. Conference // Oxford Companion to the Supreme Court of the USA. – P. 202.

пока каждый не высказался хотя бы по одному разу»¹. Это означает, что перед тем, как передать слово судье для уточнения своей позиции, необходимо удостовериться в том, что каждый из судей уже успел высказать свою точку зрения.

Когда, исходя из результатов голосования, председатель оказывается в большинстве, то, как правило, он и составляет итоговое решение Суда. Если же Робертс примыкает к меньшинству, то в таком случае он поручает подготовить решение самому старшему из тех судей, что образовали большинство по конкретному делу.

Надо сказать, что Верховный Суд работает весьма неторопливо. Как справедливо отмечает А.Ю. Саломатин, «некоторые наиболее спорные дела обсуждаются на нескольких совещаниях в течение недели, месяцев и даже лет»². В этой связи целесообразно уяснить, какова временная дистанция, отделяющая момент завершения устных слушаний от момента оглашения решения. На протяжении октябрьской сессии 2012-2013 гг. ситуация в этом отношении складывалась следующим образом³:

<i>Распределение голосов судей при вынесении решения</i>	9:0	8:1	7:2	6:3	5:4
<i>Количество дней, уходящих на изготовление решения</i>	68	159	106	107	115

Не сложно заметить, что подготовка решения Суда, включая особые мнения к нему, занимает в среднем три с половиной месяца. В этом плане сроки, установленные, например, для Конституционного Суда Украины, являются более технологичными, поскольку представление от органа государственной власти должно быть разрешено им не более, чем в трехмесячный срок, правда, не с момента завершения его рассмотрения на пленарном заседании

¹ Baum L. Op. cit. – P. 109.

² Саломатин А.Ю. Указ. соч. – С. 117.

³ Информация приведена по: Stat Pack for October Term 2012. URL: http://www.scotusblog.com/wp-content/uploads/2013/06/SCOTUSblog_Stat_Pack_OT12.pdf.

Суда (в форме устных или письменных слушаний), а гораздо раньше – с момента открытия производства по нему (ст. 57 Закона о Конституционном Суде Украины).

Несмотря на то, что около половины решений «суд Робертса» выносит единогласно, все же судьи Верховного Суда США имеют право на особое мнение. Последнее представляет собой изложенную в виде отдельного документа позицию судьи, оставшегося в меньшинстве при голосовании по подведомственному Суду вопросу. Как указывает Л.В. Головки, «отношение к обнаружению персональных позиций судей, в том числе их особых мнений, есть один из хрестоматийных аспектов разграничения континентальной и англосаксонской правовых традиций. Континентальное право исходит из того, что решение выносится судом в целом, а личные позиции судей остаются внутренним делом суда, не доступным ни публике, ни сторонам – дабы не подрывать авторитет судебного решения¹, а все теоретические споры должны вестись в доктринальной плоскости, т. е. в университетах или на страницах юридической научной печати, куда судьи также имеют доступ. Англосаксонское же право видит в судебном решении конгломерат персональных мнений судей, отражающий их полемику по тому или иному вопросу, поскольку судья выступает не только лицом, призванным разрешить дело, но и творцом правовой доктрины, своего рода «ученым в судейской мантии»².

Как следствие, в американской парадигме особые мнения и итоговое решение являются, как правильно отмечает цитированный автор, процессуально неделимыми. Поэтому вполне логичной выглядит ситуация, при которой вначале публикуются особые мнения судей Верховного Суда, а уже затем – «финальное» решение. И не случайно, поскольку в итоговом решении по делу тщательно анализируются предшествующие ему особые мнения и специально опровергаются доводы, лежащие в их обосновании.

Возможность высказать особое мнение по делу является свидетельством исключительной сложности некоторых правовых про-

¹ Так, во французской процессуальной системе председательствующий даже обязан «сжигать» заполненные судьями бюллетени для голосования (ст. 360 УПК Франции).

² Головки Л. Комментарий эксперта // Закон. – 2011. - № 7. – С. 21.

блем, бывших предметом рассмотрения в Верховном Суде, важной гарантией обеспечения независимости судей и равенства их прав. Не случайно, с текстами особых мнений связываются не только юридические последствия, но также риторическая сила, воспитательная роль и доктринальное значение¹. По верному слову судьи А. Скалия, чьи особые мнения, кстати говоря, издаются в Америке отдельными сборниками, «именно система особых мнений привратила Верховный Суд в центральную арену современных юридических дебатов, а его решения – в нечто вроде аннотированной истории американской правовой философии»².

В США признается существование двух разновидностей особых мнений – совпадающих (conspicuous) и несовпадающих (dissent). Когда судья в принципе выражает свое согласие с резолютивной частью решения (как бы голосует «за»), но расходится с большинством в Суде по аргументации принятого решения, он заявляет совпадающее особое мнение. Оно может быть заявлено также в том случае, если судья, желая проявить себя, как говорят на Западе, самостоятельной «юридической личностью», специально оговаривает, почему он голосовал за принятое решение, какие аргументы для него лично оказались решающими. К примеру, судья Верховного Суда США Томас пишет особое мнение только для того, чтобы выразить свою личную точку зрения, даже если он согласен с majority opinion. И не мудрено, ведь как заметил Дж. Уилкинсон, «судью запоминают главным образом благодаря его мнениям: они создают его репутацию, они представляют собой фразы и мысли, которые судья оставляет историей»³.

Когда же судья выражает свое несогласие с решением большинства (голосует «против»), он вправе прибегнуть к несовпадающему особому мнению – dissent. Именно те особые мнения, сутью которых является несогласие по существу, наиболее психологичны по своему содержанию. Как правило, они содержат достаточно

¹ См., напр.: Кононов А.Л. Право на особое мнение // Закон. – 2006. - № 11. – С. 43–46.

² Scalia A. The dissenting opinion // Journal of Supreme Court history. – 1994. - № 33. – Р. 8.

³ Цит. по: Жидков О.А. Указ. соч. – С. 324.

острую, неліцеприятную для Суда и емоціональна насыценную критику судебного решения.

В англосаксонских странах встречаются также *plurality* – мнения судей, разделившиеся при голосовании поровну, в результате чего судебное решение не имеет силы прецедента, реплики – короткие или вовсе не имеющие мотивировки замечания по отдельным вопросам, а также заявления о поддержке мнения другого судьи.

В этой связи примечательной представляется следующая практика. Как писал О.А. Жидков, многие аргументы и юридические конструкции, включаемые судьями Верховного Суда в особые мнения, используются затем в решениях судов штатов или низших федеральных судов, правда, не в качестве прецедента, а в виде одного из принятых во внимание соображений – так называемого «убеждающего авторитета» (*persuasive authority*)¹. Характерно также, что в Америке, иногда в связи с изменившейся политической обстановкой, а чаще – с изменением персонального состава Суда, трансформируются и его решения, причем юридические доводы, которые ранее были высказаны в особом мнении судьи, включаются в официальную позицию большинства, приобретаемая тем самым юридическую силу. В практике Верховного Суда такие примеры бывали не раз, как бывали и случаи, когда с особым мнением совпала позиция законодателя, изменившего оспоренную норму, признанную Судом конституционной. Таким образом, высказывать особое мнение не так уж безнадежно и бесполезно².

По подсчетам Скалиа, если до 1928 г. особые мнения сопровождали только 15 % решений Верховного Суда США, то в диапазоне между 1930 г. и 1957 г. их количество возросло до 42 %. Наконец, в 1992-1993 гг. особые мнения писались к 71 % решений, вынесенных Судом³. Все это, несомненно, свидетельствует о неуклонном росте востребованности данного процессуального института. Как же обстояло дело с особыми мнениями в «суде Робертса», по крайней мере в рамках 2012/2013 судебного года? Представим ис-

комую информацию в виде таблицы¹, оговорившись при этом, что приведенные ниже цифры регистрируют лишь факты открытого, публичного несогласия с большинством. В то же время вполне возможны самые серьезные разногласия среди судей, которые тем не менее навсегда останутся неизвестными широкой публике.

Фамилия судьи	Общее количество изложенных мнений	Мнения, изложенные от имени большинства (<i>majority opinions</i>)	Совпадающие особые мнения (<i>concurrences</i>)	Несовпадающие особые мнения (<i>dissents</i>)
Робертс	17	8	2	7
Скалиа	23	8	4	11
Кеннеди	14	8	5	1
Томас	25	8	11	6
Гинзбург	17	9	1	7
Брейер	18	8	5	5
Алито	22	8	6	8
Сотомайор	16	8	3	5
Каган	13	8	2	3

Анализ приведенной таблицы позволяет, по нашему мнению, найти подтверждение некоторых гипотез, выдвинутых автором на первых страницах настоящего исследования.

Во-первых, сразу бросается в глаза значительное количество особых мнений, как совпадающих, так и несовпадающих, заявленных Робертсом. Особенно впечатляюще эти цифры смотрятся на фоне Конституционных Судов России и Украины, где особые мнения председателей – большая редкость. Это подтверждает тезис

¹ Информация приведена по: Stat Pack for October Term 2012. URL: http://www.scotusblog.com/wp-content/uploads/2013/06/SCOTUSblog_Stat_Pack_OT12.pdf.

¹ Там же. – С. 385.

² Кононов А.Л. Указ. соч. – С. 46.

³ Scalia A. Op. cit. – P. 2.

о том, что нынешний Верховный Суд едва ли можно именовать «судом Робертса», что последний расколот, в нем идет борьба за моральное лидерство между официальным председателем и Еленой Каган и т. д.

Во-вторых, обращает на себя внимание крайне низкий показатель несопадающих особых мнений, который демонстрирует судья Кеннеди. Данное обстоятельство служит еще одним подтверждением того факта, что Кеннеди позиционирует себя как центрист, избегающий занимать какие-либо крайние позиции по делу. Также его можно трактовать в качестве фактора, свидетельствующего о его повышенной склонности к конформному поведению.

В-третьих, приведенные цифры лишней раз доказывают выдающиеся организаторские способности председателя Верховного Суда, о чем говорит одинаковое количество дел, которое было распределено им в течение года на всех судей, дабы последние изложили мнение большинства.

Таким образом, все вышеизложенное свидетельствует об определенных сдвигах в сознании членов Верховного Суда США, который заметно изменился по сравнению с 90-ми и даже началом 2000-х гг. Но, как мы видели, эти трансформации носят многоплановый характер. Здесь происходит не столько даже движение вправо или влево, в сторону более консервативных или либеральных установок, сколько наблюдается выход за рамки привычной системы координат. В судебском сознании возникают новые ценности и стереотипы, оказывающие ощутимое влияние на саму «механику» отправления конституционного правосудия. В любом случае уже сегодня ясно, что позиция Верховного Суда служит одним из важных факторов расстановки политических сил в США, что голоса судей играют существенную роль в противоборстве демократической и республиканской партий. Этот фактор, несомненно, проявит себя в ходе следующих президентских выборов 2016 г., подготовка к которым фактически уже началась.

6. Знаковые решения (landmark decisions) «суда Робертса»

История «суда Робертса», возможно, еще слишком коротка и эмоционально насыщена, чтобы делать глубокие выводы и давать бесстрастные оценки, тем более находясь по ту сторону Атлантики. Ясно одно – эти восемь лет были полны переломными и до предела драматичными событиями в жизни Америки (мировой финансовый кризис, реформа медицинского страхования, борьба с терроризмом и, как следствие этого, скандал вокруг военной базы Гуантанамо, актуализовавшаяся проблема смертной казни и т. д.), которые не могли не отразиться на конституционной юстиции. На данном отрезке времени деятельность Верховного Суда характеризуется как неоспоримыми заслугами в деле защиты прав и свобод граждан, так и некоторыми упущенными возможностями, без анализа которых настоящее исследование выглядело бы неполным. Разумеется, на этих страницах отражен сугубо личный взгляд автора на обозначенные проблемы. Как там у В. Ходасевича ?

Но на растущую всечасно

Лавину небывалых бед

Невозмутимо и бесстрастно

Глядят историк и поэт...

Как уже стало читателю, неоднородность человеческого субстрата нынешнего состава Верховного Суда, лишь отчасти сглаживаемая холодным профессионализмом судебных клерков¹, предопределила крайние различия правовых и мировоззренческих позиций судей, усугубляющиеся к тому же остротой и значимос-

¹ В Верховном Суде США существует традиция организовывать небольшое застолье на Рождество, причем характерно, что все расходы берут на себя судьи, а их клерки, на правах коллег, приглашаются к чаепитию и угощению. Более того, некоторые судьи (Ф. Франкфуртер, Л. Брандгейс, Л. Пауэлл для не раз упоминавшегося нами Дж. Уилкинсона) выступали в роли наставников подчиненного им вспомогательного персонала, давая возможность на конкретных примерах проникнуться духом права и приобрести глубокие юридические познания. В конечном итоге каждый клерк чувствует себя членом важного автономного профессионального корпуса, под защитой которого он находится.

тью общественных ожиданий. Поэтому закономерно, что наиболее важные и спорные с политической точки зрения решения «суда Робертса» принимались либо с откровенно консервативных позиций (приоритет порядка перед свободой и свободы перед социальным равенством), либо носили, по крайней мере, компромиссный характер. Но как подчеркивает судья Конституционного Суда РФ в отставке А.Л. Кононов, «вполне оправданный и целесообразный в политике, дипломатии или общественной жизни как способ разрешения конфликтов, компромисс вряд ли допустим в судебном решении, где требуется четкая и определенная оценка факта, одностороннее для всех толкование нормы, исполнимость судебного требования»¹.

Среди проблем, волнующих американское общество на протяжении вот уже нескольких столетий, одна из наиболее острых – проблема смертной казни. Но она во многом усугубляется еще и тем, что практика Верховного Суда в отношении этой варварской меры² с самого начала была весьма противоречивой и непоследовательной.

Первый раз смертная казнь была признана Верховным Судом неконституционной в широко известном решении по делу *Furman v. Georgia*, вынесенном в 1972 г., - в самый разгар общественных ожиданий, связанных с подъемом движения за гражданские права и приближающимся завершением войны во Вьетнаме. Вообще невольно ловишь себя на мысли, что существует некая взаимосвязимость между социальными иллюзиями и отменой смертной казни. Если мы обратимся к отечественной истории XX ст., то без труда заметим, что в начале смертная казнь была отменена в феврале 1917 г., когда наш народ сбросил иго ненавистной ему династии Романовых, затем – 26 мая 1947 г., спустя всего два года после победоносного завершения Великой Отечественной войны, и, наконец, в 1990-е гг. на волне эйфории, вызванной процессами

¹ Кононов А.Л. Пятилетие Конституционного Суда в России: уроки... // Вестник Конституционного Суда РФ. – 1997. - № 2. – С. 12.

² Выдающийся русский юрист М.Н. Гернет писал: «Смертная казнь считалась своего существования тысячелетиями, а свои жертвы – миллионами. Пройдя долгий кровавый путь, она с гордостью указывает своим противникам, что ее жертвенники стоят почти во всех государствах». Это действительно так.

«перестройки» и приобретением государственной независимости...

Как бы то ни было, именно в 1972 г. Верховный Суд отнес ее к «жестоким и необычным наказаниям», применение которых, как известно, прямо запрещено VIII-ой поправкой к Конституции США. Важно, что решение по делу *Furman v. Georgia* базировалось на научно установленном факте, в соответствии с которым национальные меньшинства, в первую очередь, чернокожие американцы в значительно большей мере подвержены риску вынесения смертного приговора, нежели белые граждане¹. По образному выражению судьи П. Стюарта, смертная казнь применялась «к случайной и капризно выбранной горстке людей» (*capriciously selected random handful*), что, очевидно, подрывало доминантно-правовой принцип равенства. В конечном итоге Суд, правда, на грани возможного – большинством всего в один голос, наложил запрет на применение данного вида наказания.

Однако всего четыре года спустя Верховный Суд, действовавший в том же составе, вновь вернулся к данной теме, опровергнув свою предыдущую правовую позицию. В не менее знаменательном для американской юстиции решении по делу *Gregg v. Georgia* Суд большинством голосов (особые мнения заявили только У. Бреннан и Т. Маршалл, полагавшие, что смертная казнь должна быть признана неконституционной при любых обстоятельствах хотя бы в силу прецедента Верховного Суда) указал, что смертная казнь сама по себе не нарушает Конституцию.

Следует оговориться, что к тому времени согласно законодательству ряда штатов, в том числе Джорджии, усмотрение судей и присяжных в вопросах назначения смертной казни было существенным образом ограничено. Во-первых, закон предусматривал десять отягчающих обстоятельств, наличие любого из которых должно было установлено скамьей присяжных (*jury*) «за пределами разумного сомнения», прежде чем лицо может быть приговорено к смертной казни; во-вторых, присяжным позволялось давать обязательную рекомендацию о помиловании, даже если не было установлено ни одного смягчающего обстоятельства; в-третьих,

¹ С особой художественной силой этот тезис был проиллюстрирован в американском кинофильме «Зеленая миля» с Т. Хэнксом в главной роли.

предусматривалось автоматическое обжалование приговора, при котором осуществляется проверка доказанности оглашающего обстоятельства и оценка соразмерности данного наказания наказаниями, назначенным по аналогичным делам¹. Тем самым Верховный Суд постановил, что новое законодательство штатов уже не нарушает требование VIII-ой поправки.

Справедливости ради отметим, что в том же решении Суд признал «дефектными» законы двух других штатов – Луизианы и Северной Каролины, предусматривавшие обязательное вынесение смертного приговора лицам, виновным в совершении умышленного убийства первой степени, без учета обозначенных выше процессуальных гарантий.

Всего с 1976 г. по осень 2005 г., когда «суд Робертса» начал свою работу, смертная казнь была исполнена в отношении примерно 850 американских граждан, при этом «львиная доля» казней приходилась на южные штаты (Техас, Флорида, Оклахома и ряд других). Примечательно, что к тому времени казнь на электрическом стуле была заменена смертельной инъекцией («протоколом смертельной инъекции»), вопрос о конституционности которой должен был разрешить в деле *Baze v. Rees* Верховный Суд уже под председательством Робертса.

Смысл смертельной инъекции заключается в том, что в организм приговоренного к смерти последовательно вводятся три препарата, первый из которых вводил смертника в кому, чтобы он не чувствовал боли. Заявители утверждали, что протокол не предусматривал гарантий проверки того, что первый препарат оказал жестокое воздействие. В таком случае смертник испытывал бы сильную боль при действии двух других препаратов, которые останавливали дыхание и кровообращение, что нарушило бы VIII-ую поправку.

Суд отклонил требования заявителей семью голосами против двух. Роберте, подготовивший мнение большинства, к которому присоединились судьи Кеннеди и Аливо, отметил, что смертная казнь конституционна после решения по делу *Gregg v. Georgia* и сохраняется в 36 штатах из 50, а также в федеральном законода-

¹ Подробнее см.: Квашиш В.Е. Смертная казнь. Мировые тенденции, проблемы и перспективы. – М.: Юрайт, 2008. – С. 194, 195.

тельстве, причем смертельная инъекция – единственный или основной способ ее исполнения. Поскольку 30 штатов используют тот же протокол, что и Кентукки (где были осуждены заявители), данный способ является приемлемым в американском обществе, поскольку он установлен демократически избранными законодателями (законодательными собраниями) штатов. Чтобы установить нарушение VIII-ой поправки, по мнению судей, заявители должны были доказать, что риск подвергнуться «немедленной опасности» был «неизбежный или очень вероятный», но не предоставили таких доказательств.

Члены Верховного Суда Скалиа и Томас также отклонили требования заявителей, но, как истинные оригиналисты, полагающие, что в 2008 г. концепт «жестокое и необычное наказание» должен означать то же, что и в 1791 г. (год принятия Билля о правах и, в частности, VIII-ой поправки), сослались на иной стандарт. С их точки зрения во времена «отцов-основателей» целью подобного рода наказаний считалась пытка, а в данном случае цель введения оспариваемого протокола состояла в уменьшении боли приговоренного к смерти.

Особого внимания заслуживает позиция судьи Дж. П. Стивенса, голосовавшего в 1976 г. за конституционность смертной казни. В деле же *Baze v. Rees* он на 17 страницах привел аргументы против смертной казни как вида наказания в целом и протокола Кентукки в частности (отмечая, например, что законодательные собрания штатов, принимающие протоколы смертельных инъекций, не исследуют в деталях все конституционные проблемы процедуры исполнения смертной казни), но тем не менее проголосовал против удовлетворения требований заявителей, поскольку прецедент Верховного Суда по делу *Gregg v. Georgia* сохраняет свою силу, а оснований для его пересмотра не усматривается¹.

Это подтверждает догадку американских исследователей о том, что когда судья уже однажды имел возможность высказаться против прецедента (как Стивенс, который в 1976 г. проголосовал за возврат смертной казни вопреки прецеденту 1972 г.), он почти никогда не пересматривает свою позицию в дальнейшем и остается

¹ Коротеев К. Мотивировки решений конституционных судов о смертной казни // Сравнительное конституционное обозрение. – 2008. - № 5. – С. 139.

верен своим убеждениям¹. Добавим к сказанному, что изложение всех мнений судей заняло почти 100 страниц машинописного текста, что в известной степени может служить эталоном при обосновании отечественными конституционными судьями собственных правовых воззрений.

Как видим, данное решение несет на себе печать консервативно-охранительных установок в мировоззрении ряда судей, полагающих, что использование смертной казни – часть борьбы с преступностью, и не желающих преодолеть ранее созданный прецедент.

В том же, 2008 году, Верховный Суд второй раз столкнулся с проблемой смертной казни в деле *Kennedy v. Louisiana*. Здесь судьи, напротив, с перевесом в один голос вынесли либеральное решение, дисквалифицировав смертную казнь как вид наказания, назначаемый за изнасилование ребенка, не повлекшее, однако, смерти последнего. Впрочем, здесь у Верховного Суда была наработана определенная прецедентная практика. В частности, в своем решении по делу *Coker v. Georgia*, принятом еще в 1977 г., Суд признал смертную казнь за изнасилование женщины неконституционной, исходя из принципа «взвешивания» конфликтующих ценностей (*balancing exercise*). «Наказание в виде смертной казни за изнасилование взрослой женщины, - говорилось в решении, - является явно несоизмеримым и чрезмерным»². Кроме того, в решении по делу *Kennedy v. Louisiana* содержалась не лишняя мысль аргументация о том, что возможность применения смертной казни по отношению к насильникам будет толкать их на физическое уничтожение своих жертв или случайных свидетелей с тем, чтобы не осталось очевидцев совершенного ими деяния.

Другое острее противоречие в обществе породила проблема однополых браков. В делах *United States v. Windsor* и *Hollingsworth v. Perry*, разрешенных летом 2013 г., Суд признал не соответствующими Конституции США положения общенационального Акта о защите брака 1996 г. и калифорнийской конституции соответственно, согласно которым браком признается союз между мужчиной и женщиной. В результате сексуальные меньшинства, которые ранее могли зарегистрировать свой брак лишь в 13 штатах из 50,

¹ Григорьев И.С. Указ. соч. – С. 263.

² Цит. по: Квашин В.Е. Указ. соч. – С. 196.

теперь могут сделать это по всей стране. Как видим, Верховный Суд принял либеральное решение, поставив под удар семейные ценности в их классической, «рейгановской» интерпретации, однако гарантировав при этом свободу выбора потенциального супруга независимо от его пола¹. В этой связи следует согласиться с крупнейшим российским процессуалистом Л.В. Головки, утверждающим, что существовавший в нашей стране вплоть до начала 1990-х гг. уголовно-правовой запрет ненасилованных гомосексуальных отношений, по сути, представлял собой преступление не «сексуальное», а исторически религиозное и впоследствии (для СССР) идеологическое². Думается, запрет однополых браков, действующий на постсоветском пространстве, также из их числа.

Зато с сутобо консервативных позиций (и опять-таки большинством в один голос) «судом Робертса» было решено дело *District of Columbia v. Heller*, в котором закон федерального округа Колумбия, запрещавший свободное приобретение легкого огнестрельного оружия, главным образом пистолетов, был признан противоречащим II-ой поправке к Конституции США, гласящей буквально следующее: «Поскольку хорошо организованная милиция³ необходима для безопасности свободного государства, право народа хранить и носить оружие не должно нарушаться»⁴.

Дело в том, что на сегодняшний день у американцев находится более 200 млн. единиц огнестрельного оружия, в том числе 70 млн. пистолетов. И несмотря на общее снижение большинства показателей распространности преступности (и в относительных, и в

¹ Подробнее см.: Реддинг Дж. Норма права 8 та майбутнє американської політичної активності у сфері одностатевих шлюбів // Право США. – 2012. - № 1-2. – С. 130-142.

² Головки Л.В. Концептуальные основы уголовной политики в сфере экономики // Закон. – 2011. - № 9. – С. 48.

³ Поясним, что первые американские поселенцы, с расчетом на которых и писалась Конституция США 1787 г. и дополнивший ее Билль о правах 1791 г., под «милицией» понимали отнюдь не специально созданный для защиты общественного порядка правоохранительный орган (ныне «полиция»), а народные отряды самообороны, вступить в которые был вправе любой американец.

⁴ Цит. по: Мишин А.А., Влаихин В.А. Конституция США: полит.-прав. комм. – М.: Междунар. отношения, 1985. – С. 203.

абсолютных показателях) в целом по стране, тем не менее подлинной проблемой стало увеличение вооруженного насилия в школах. Так, на момент слушания дела Верховным Судом (2008 г.) только в указанном году в школах США, где обучаются около 55 млн. детей, в результате насильственных действий погиб 1701 учащийся в возрасте до 18 лет. Как отмечалось в совместном отчете Минюста и Министерства образования США, более 8% опрошенных школьников сообщили, что они в этот период были жертвами вооруженных нападений со стороны сверстников или угрозы расправы с применением огнестрельного оружия¹. В этом контексте позиция местного законодателя, пытавшегося ввести определенные ограничения на продажу оружия, становится более понятной.

В данном решении, принятом, как это часто бывает в «суде Робертса», с перевесом в один голос, судья Скалиа, которому было поручено подготовить мнение большинства, дал расширительное толкование тексту II-ой поправки, связав ее не столько с милицией, сколько правом отдельного гражданина носить оружие, прежде всего для самозащиты. Однако, будучи по своим правовым убеждениям оригиналистом, Скалиа стремился выстраивать свою логику с учетом того, какой смысл вкладывали (или, во всяком случае, могли вкладывать) в содержание II-ой поправки «отцы-основатели» США. По этой причине была признана возможность для законодателя ограничивать пользование теми видами оружия, которых не существовало на момент принятия конституционной поправки (конец XVIII ст.).

Однако не будет преувеличением сказать, что все эти правовые позиции, по крайней мере, в глазах мировой общественности, затмили дела, обусловленные борьбой с терроризмом и, в частности, «гуманитарными интервенциями» США как элементом этой борьбы. В серии дел *Hamdan v. Rumsfeld* (2006 г.) и *Boumediene v. Bush* (2008 г.) Верховный Суд сформулировал следующее правило: США как оккупационное государство ответственны за нарушения прав человека на территориях (Афганистан, Ирак), которые уже в силу их оккупации оказались под контролем США, а их население – под юрисдикцией единственной в мире «сверхдержавы». Именно в судебных

¹ Квашиш В.Е. Основные тенденции преступности в США // Научный портал МВД России. – 2012. - № 1. – С. 55.

заседаниях по этим делам были «озвучены» известные всему миру факты феноменальной жестокости американских военнослужащих в отношении военнопленных и мирного населения, карательных «зачисток» территории, создания фильтрационных пунктов, в которых без суда и следствия находились сотни людей, и т. д.¹

Формулируя обозначенный выше итоговый вывод, Суд подчеркнул: «Принципиально важно, чтобы наши сиюминутные соображения не нанесли ущерба ценностям, уважаемым нашей страной, или такой привилегии, какой является американское гражданство. Приверженность нашей нации надлежащей правовой процедуре проходит самое суровое испытание в наиболее ответственные и тающие неопределенность моменты; именно в такие моменты мы должны у себя дома оставаться верны тем принципам, за которые воюем за рубежом»². Касательно методов борьбы с терроризмом орган конституционной юрисдикции разъяснил, что при подобных обстоятельствах следует прибегать к исключительно конституционным институтам, гарантирующим легитимность процедуры ограничения прав граждан, прежде всего, к институту *habeas corpus* – судебному санкционированию арестов.

Наше исследование – разумеется, краткое и неполное – подходит к концу. Оно имело целью показать, что конституционное судопроизводство США находится в процессе постоянной эволюции, являющейся, в свою очередь, отражением более глубоких явлений, многие из которых лежат в плоскости социальной психологии. Что касается непосредственно «суда Робертса», в котором, как мы увидели, причудливо переплелись консервативные и либеральные установки его судей, различные правовые доктрины, школы и парадигмы, самые разнообразные стили написания итоговых решений и особых мнений к ним, то можно констатировать, что он, при всех издержках, в целом остается верен конституционной шкале ценностей, на вершине которой находится простой человек, его права и свободы.

¹ Подробнее см.: Фрайот С. Бумеден против Буша: решение Верховного суда США на пересечении войны с терроризмом и конституционной доктрины разделения властей // Сравнительное конституционное обозрение. – 2008. - № 5. – С. 147-155.

² Там же. – С. 149.

Научное издание

**Серия «Научные доклады»
Выпуск 13**

**Евсеев
Александр Петрович**

ВЕРХОВНЫЙ СУД США СЕГОДНЯ

Издано в авторской редакции
Ответственный за выпуск Н. М. Ярошенко
Компьютерная верстка и дизайн И. В. Москалюк

Подписано в печать 12.01.2014 г.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Усл.-печ. лист. 2,08.
Тираж 300 экз. Цена договорная.
Зак. №1201/1

Напечатано с оригинал-макета,
изготовленного Издательством “Юрайт”
(Свидетельство о внесении в государственный реестр
субъектов издательской деятельности:
серия ДК № 4236 от 22.12.2011 г.),
в типографии ФЛ-П Билетченко Г.В.
(тел.: 057-758-35-98)